«14 ДЕКАБРЯ» Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО КАК РОМАН О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

© 2017 г. О.А. Богданова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 22 декабря 2016 г.

Дата публикации: 25 июня 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-2-172-189

Аннотация: В статье показано, как в романе Д.С. Мережковского «14 декабря», писавшемся в разгар революционных событий в России 1917–1918 гг., на историческом материале эпохи декабризма дается историософское осмысление российских событий 1917 г. В статье также реконструируется революционная мифоидеология Мережковского 1905–1917 гг. и анализируются ее видоизменения в процессе переживания Октября 1917 г. и его последствий. Восстание декабристов 1825 г. стало, по мысли Мережковского, не только первой попыткой политической революции в стране, но и предопределило двойственный характер последующей русской революционности. Послеоктябрьский опыт привел очевидца событий Мережковского к следующим дополнениям в его революционной доктрине: вместо царя в 1917 г. «Зверем» стал русский народ; победивший большевизм — это «самодержавие наоборот»; блеснувшее надеждой в Феврале общенациональное революционное единство расколото Октябрем на «революционную демократию» (новое самодержавие народа и большевиков) и «революционную аристократию» (интеллигенцию как носительницу идеалов свободы со Христом); распалось традиционное тождество земли и народа, который в 1917 г. предал свое отечество, мать-землю, Россию; однако Россия не погибнет, потому что она больше народа, она еще и земля. Особое внимание уделено растождествлению понятий «народ» и «земля» в контексте происходивших катаклизмов.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, трилогия «Царство Зверя», роман «14 декабря», революция 1917 г., Февраль, Октябрь, мифоидеология, земля, народ.

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: olgabogda@yandex.ru

MEREZHKOVSKY'S *THE FOURTEENTH OF DECEMBER*: A NOVEL ABOUT THE OCTOBER REVOLUTION

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

© 2017. O.A. Bogdanova
A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: December 22, 2016
Date of publication: June 25, 2017

Abstract: The article demonstrates how Dmitry Merezhkovsky, in his novel *The Fourteenth of December* written in the midst of the revolutionary crisis in Russia and based on the history of the Decembrists revolt, attempts to give a *historiosophical* understanding of the October Revolution. The article also reconstructs Merezhkovsky's revolutionary *mythoideology* developed in 1905–1917 and analyzes modification it underwent after October 1917. According to Merezhkovsky, not only was the Decembrists revolt in 1825 the first attempt of political revolution in Russia but it also defined the dual nature of Russian revolutionism as such. His own post-revolutionary experience enabled Merezhkovsky to make the following revisions in his idea of revolution. The people had become the “Beast” in 1917 instead of the Tsar. Bolshevism proved to be the “autocracy in reverse.” While in February there was still a glimpse of hope that revolutionary forces would unite, the October Revolution split this unity in question into “revolutionary democracy” (a new autocratic union of the people and the Bolsheviks) and “revolutionary aristocracy” (intelligentsia as a bearer of the ideals of freedom and Christian values). The traditional unity of the people and the “land” no longer existed: the people had betrayed their homeland, mother-land, Russia. Yet Merezhkovsky believed that Russia would not perish since it is larger than the people; it is also the land. The essay specifically focuses on the way the author dis-identifies the notions of “the people” and “the land” in the wake of current political cataclysms.

Keywords: Dmitry S. Merezhkovsky, a trilogy *The Kingdom of the Beast*, a novel *The Fourteenth of December*, October Revolution, February, October, mythoideology, land, the people.

Information about the author: Olga A. Bogdanova, DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Актуальность этой работы обусловлена двумя следующими один за другим юбилеями: 150-летием со дня рождения Д.С. Мережковского — писателя, поэта, драматурга, публициста, религиозного философа и практика, одного из главных организаторов литературной и культурной жизни России рубежа XIX–XX вв. и русской эмиграции в межвоенные десятилетия — и 100-летием великой русской революции 1917 г. в обеих ее ипостасях: Февраля и Октября.

Значение деятельности Мережковского до сих пор недооценено в истории русской литературы и культуры и только сейчас, в связи с подготовкой его 20-томного академического собрания сочинений в ИМЛИ РАН, начинает вырисовываться во всей своей масштабности. В настоящей статье мы остановимся на малоизученном эпизоде творческой биографии писателя-символиста — его произведениях 1917–1918 гг.: публицистических статьях из газет «День», «Русское слово», «Грядущее», «Наш век», «Вечерний звон», «Новая речь», «Новые ведомости» и романе «14 декабря», последней части второй трилогии «Царство Зверя»¹.

Роман «14 декабря» писался и публиковался по горячим следам революционных событий в России 1917–1918 гг. Очевидный хронотоп этого произведения — декабрь 1825 — июль 1826 гг., с одной стороны, и столица Российской империи Санкт-Петербург — с другой. Однако, как и в «русском» романе первой трилогии «Христос и Антихрист» — «Антихрист (Петр и Алексей)» (1905), временная составляющая художественного хро-

1 Состав второй трилогии Д.С. Мережковского «Царство Зверя»: пьеса «Павел I» (1908), роман «Александр I» (1911–1913), роман «14 декабря» (1918).

нотопа расширяется здесь до всего «петербургского периода» русской истории, концентрируясь в «14 декабря» на приметах революционных 1917 и 1918 гг.

Тема революции становится ведущей в творчестве Мережковского — как художественном, так и публицистическом — начиная с 1906 г., времени написания статьи «Пророк русской революции» к 25-летней годовщине со дня смерти Ф.М. Достоевского. Этапными на этом пути были многие статьи 1907–1917 гг. в сборниках «Не мир, но меч» (1908), «В тихом омуте» (1908), «Больная Россия» (1910), «Было и будет. Дневник 1910–1914 гг.» (1915), «От войны к революции. Дневник 1914–1917» (1917), а также брошюры «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» (1914), «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (1915). Пройдя несколько ступеней развития, к 1917 г. «мережковская» концепция революции в России, или «мережковский» извод русской революционной мифоидеологии, приобрели следующий вид.

Во-первых, подлинная русская революция должна быть религиозной — соединением вольности с Богом, но не тем Богом, Которого предлагает верующим «историческое христианство», в частности Русская православная церковь, а Грядущим Христом «нового религиозного сознания» и «религиозной общественности».

Во-вторых, религиозная революция допускает насилие, или «кровь по совести» (по слову героя «Преступления и наказания» Достоевского), в стремлении сочетать христианскую святость с террористическим «бомбизмом», присущим новообъявленной «религиозной общественности». При этом необходимо учитывать, что в 1908–1917 гг. «в творческих исканиях христианских либералов (Мережковского и З.Н. Гиппиус. — О.Б.) тема насилия имела двоякое толкование: с точки зрения их идеалов, “абсолютов”, и применительно к определенной ситуации, условиям “жизни”» [4, с. 56]. В первом случае — в «Царстве Третьего Завета», любви и свободы — насилие было недопустимо; во втором — действовала формула «нельзя и надо», подразумевавшая допустимость «крови» для перехода из Царства необходимости в Царство свободы.

В-третьих, в своей революционной теории Мережковский решительно порывал с народничеством как «народобожием». Уже в «Пророке русской революции» им были высказаны сомнения в актуальной «богонос-

ности» все еще темно-языческого, по его представлению, русского народа, которому только предстоит соединить «землю» с «небом». По Мережковскому, «русское народолюбие и свободолюбие — не одно и то же»: «религиозная правда народа — христианство восточное, созерцательное — правда мира нездешнего», «чувство свободы человеческой <...> в этой правде отсутствует» [16, с. 541].

В статье «Революция и религия» (1907) сформулирован четвертый важнейший тезис революционного учения Мережковского — абсолютное отрицание самодержавия и православия как взаимообусловленных сил, утверждавших несовместимое с подлинным христианством «человекобожество». Неприятие земных царей опиралось на Библию, где рассказано, как еще задолго до рождения Христа Бог сказал своему пророку Самуилу об израильтянах, желавших себе царя, «как <...> у всех других народов»: «<...> они отвергли Меня как своего царя» (1 Царств 8: 5, 7). Устами Самуила Бог предупредил евреев о гнете, который наложит на них такой царь: «вы станете у него рабами» и «взмолитесь об избавлении от царя» (1 Царств 8: 17–18). Так как в «историческом христианстве» (православии и католичестве), по мнению публициста, царит «дух прелюбодейного смешения государства с церковью» [18, с. 189], то падение старого социально-политического порядка неизбежно повлечет за собой перемену религии. Другими словами, гибель самодержавия в России означает одновременное упразднение Русской православной церкви.

Еще в «Грядущем Хаме» (1905) писатель-символист выдвинул свой пятый, по нашему счету, революционный тезис — о ведущей роли интеллигенции в русском освободительном движении. В статьях 1907–1917 гг. Мережковский предпринял масштабную кампанию по «оправданию» революционной интеллигенции, защищая ее от нападок «Вех» (1909). Для автора «Завета Белинского» (1914) русская интеллигенция — это «подлинное воплощение русского народного сознания и русской народной совести», «связанная с народом руководящая сила, умственная, нравственная и общественная» [17, с. 489]. В сражениях за свободу «русская интеллигенция умирает заодно с народом, потому что любит с ним одно», хотя, на первый взгляд, «верит в разное» [17, с. 509]. На деле же — в одного Бога, но только у народа — искаженного «историческим христианством», а у религиозной интеллигенции — подлинного Христа Грядущего.

В то же время, считал Мережковский, «не красота спасет мир, а любовь, Вечное Материнство <...> Родная мать — родная земля», и «только свободная земля — Божья» [16, с. 569]. Характерное для него в дореволюционные годы отождествление земли и народа, ее населяющего, восходит к рассказу о сотворении Адама в ветхозаветной книге «Бытие»: «И создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою» (Быт. 2: 7). Слово «земля» на иврите звучит как «адама» (אָדָמָה). Очевидно, что человек и назван так потому, что был создан из земли, «праха земного». Культ земли — Деметры — в древности процветал и в эллинском язычестве, составляя суть Элевсинских мистерий. Мать-земля рождала людей и забирала их обратно в свое лоно. По древнегреческим народным воззрениям, существовал «круг рождений», когда души предков возвращались из земли к новой наземной жизни (см.: [23, с. 444]). Аналогично и для древнерусского народно-языческого сознания: земля была «доподлинной матерью, без всяких аллегорий, с прямолинейностью наивно реалистического мировосприятия» [7, с. 98]. Поэтому в Древней Руси «земля чти[лась] вдвойне: и за то, что принимает умерших дедов, и за то, что обратно отдает души новорожденным внукам; чти[лась] вдвойне и род этот, <...> переходящий из поколения в поколение предков, то возвращающийся в землю, то из нее же, с первым криком младенца, возникающий вновь для дальнейшей надземной жизни» [7, с. 104]. Таким образом, отождествление земли и народа проникало в русскую литературу через многие источники: Библию, византийскую книжность, фольклор. В XIX в. оно бытовало, в частности, в среде «почвенников», в сочинениях А.А. Григорьева и Ф.М. Достоевского. Присутствует оно и у многих литераторов рубежа XIX–XX вв., например в статье А.А. Блока «Стихия и культура» (1908)². Мережковский в эссе «Грядущий Хам» (1905), говоря о трех началах «духовного благородства», противостоящих «трем лицам» Грядущего Хама, в качестве первого называет, как одно целое, землю и народ — «живую плоть <...> России» [19, с. 25]. Эти взгляды в целом сохранялись в его творчестве вплоть до событий 1917 г., что важно отметить в свете последующих выводов.

2 Здесь о людях из народа сказано: «Земля с ними, и они с землей, их не различить на ее лоне, и кажется порою, что и холм живой, и дерево живое, и церковь живая, как сам мужик — живой. Только все на этой равнине еще спит, а когда двинется <...> пойдет вся земля» [1, с. 94].

С такими представлениями вошел Мережковский в 1917 г., они стали исходной мифоидеологической платформой его романа «14 декабря». Посмотрим, как большинство из них тем или иным образом присутствуют в этом произведении.

Главный герой романа князь Валериан Голицын, приезжающий в Петербург накануне 14 декабря 1825 г. из Василькова под Киевом, где вел беседы с одним из руководителей Южного тайного общества Сергеем Муравьевым-Апостолом, на протяжении всего действия проповедует «о свободе с Богом» [15, с. 44 и сл.], пропагандирует «великую мысль» муравьевского «Катехизиса» — «соединить Христа с вольностью» [15, с. 218], другими словами, дорогую Мережковскому «религиозную революцию» в противовес революции чисто политической.

Тема оправдания и необходимости революционного насилия также проходит через все произведение: по мнению Евгения Оболенского и Голицына, убивать ради воцарения единого на земле и на небе «Царя Христа» [15, с. 228] «нельзя и надо вместе» [15, с. 47]. Убийство российского царя и царской семьи, считает Кондратий Рылеев, необходимо, но — «рука не подымается» [15, с. 75]. В результате боязни и нежелания руководителей восстания на Сенатской площади проливать кровь противников получилась «стоячая революция» [15, с. 87], пассивность и нерешительность которой предопределили поражение, несмотря на высокую вероятность победить. Автор явно разделяет иронию Петра Каховского: «Человеколюбивая революция, филантропический бунт! Душу спасаем. Крови боимся, без крови хотим?» [15, с. 109]. В итоге, как показывают дальнейшие события, проливается в десятки и сотни раз больше крови, причем невинной и «напрасной» [15, с. 109].

В «14 декабря» ясно прозвучала и мысль о неприемлемости для Мережковского «народобожия» как варианта «человекобожества», отрицаемого и для единиц (царя), и для множеств (народа). На допросе в Эрмитаже Голицын объясняет Николаю I: «Зверь — человек, который себя Богом делает» [15, с. 171], против него христианин просто обязан восстать. Пестель же и Рылеев «народ почитают за Бога» [15, с. 220], предвеляя народников и социалистов начала XX в.

Отношение писателя к русскому самодержавию ясно выражено в общем заглавии трилогии, завершающей частью которой является «14

декабря», — «Царство Зверя». Несмотря на те или иные личные качества изображенных монархов: Павла I в одноименной пьесе, Александра I в одноименном романе, Николая I в «14 декабря», — каждый из них является воплощением апокалипсического «Зверя, выходящего из бездны» (Откр. 11: 7) уже по одному тому, что не отвергает претензий на собственное обожествление, принимая поклонение людей вместо истинного Бога. Николай с удовольствием слушает кощунственно-льстивые речи сановника Лопухина о том, что члены императорской фамилии стоят так высоко, что «как бы уже не восходят, а <...> нисходят на престол» [15, с. 31]; Бог для него не более чем «черная дыра» [15, с. 27], церковные установления — ритуал.

Неприятие православной церкви в «14 декабря» сказывается в карикатурно-сатирическом изображении трусливо-злых митрополитов, посланных Николаем I на Сенатскую площадь для вразумления восставших [15, с. 101–102]; в презрении к растерявшемуся от страха отцу Даниле — «российской вольности невольному мученику» [15, с. 226], — принужденному Сергеем Муравьевым-Апостолом читать его «Катехизис» перед восставшим Черниговским полком в Василькове; в отказе выразителя авторских идей Голицына от причастия из чаши в руках православного священника и т. д.

Ну, а ведущая роль интеллигенции в «первом в России опыте революции политической» [15, с. 193], изображенном Мережковским, настолько очевидна, что не требует комментариев.

Что же внесли вихревые 1917 и 1918 гг. в художественное исполнение романа? Какой новый общественный и личный опыт автора отпечатался на его страницах?

История написания и публикации «14 декабря» пока не изучена. Известно только, что самые ранние архивные свидетельства о начале работы над романом относятся к 1908 г.³ Однако текст произведения еще не был закончен и в мае 1918 г., о чем свидетельствует неизвестная прежде публикация в газете «Наше слово» (1918. 4 мая (21 апреля). № 17)⁴ под названием «Четырнадцатое декабря (Из романа “Декабристы” Д.С. Мережковского)».

3 См. письма, которые Д.С. Мережковский отправил В.Я. Богучарскому 5 августа 1908 г.: ОРФ ГЛМ. Ф. 2. Ед. хр. 292, а также М.О. Гершензону: ОР РГБ. Ф. 746. К. 37. Ед. хр. 31. Л. 1–2 (Сообщил А.А. Холиков).

4 Публикация найдена А.А. Холиковым.

Известна также публикация отрывка из писавшегося романа в газете «Черный звон» (1917. 14 декабря).

Прежде чем непосредственно заговорить о «14 декабря», обратимся к создававшейся одновременно с романом публицистике писателя-символиста в революционный период, где взгляды романиста на происходившие события выражены прямо и определенно. Она четко разделяется на две части: после Февраля и после Октября. В марте 1917 г. Мережковский, с радостью принявший падение русского абсолютизма и начало либерального правления, выступил против классовой дифференциации страны, инспирированной социал-демократами: народ, по мнению религиозного революционера, — это не только рабочие, но и интеллигенция как «воплощение народного разума», от которого русская революция не должна отречься [8]. В апрельской статье «Ангел революции» — не только излюбленная мечта о соединении русской вольности с Богом — «пасхального “красного яичка” с “красным знаменем” революции» [9], — но и вера в ее исполнение. Ведь Февральская революция 1917 г. «пронизана духом Христовым» [9], несмотря на то что отреклась от церкви, неразрывного с самодержавием «исторического христианства». Она прямое продолжение события, произошедшего 31 декабря 1825 г., — прочтения перед восставшим против царской тирании Черниговским полком революционного «Катехизиса» С.И. Муравьева-Апостола, где впервые в России провозглашалась «свобода со Христом» в противовес «антихристову» духу самодержавия.

В августе, в условиях нараставшего кризиса Временного правительства, его неспособности остановить дезертирство с фронтов Первой мировой войны и усилившиеся притязания на диктатуру пролетариата со стороны большевиков путем классового разделения страны, Мережковский с тревожным удивлением отметил в русском народе «непатриотизм, нелюбовь <...> к самому себе», «жажду самоубийства, самоистребления» [10]. У писателя формируется понимание того, что есть разные революции: одна — принудительно классовая, сплетенная с самодержавием, наследница Петра I, «величайшего русского самодержца и революционера вместе» [10]; другая — связанная с русской интеллигенцией (от Рылеева и Пестеля до А.Ф. Керенского и Б.В. Савинкова) как носительницей «не классовой, а общенациональной идеи революции». Для них, «подлинного революционного авангарда», Россия однозначно важнее революции: «не революцию

надо спасать сначала и потом уже Россию, а сначала Россию и потом уже революцию». Россия должна «быть», без нее революция погибнет [10].

В послеоктябрьских статьях уже сформулированы дотоле предположительные тезисы. Установившееся «самодержавие Ленина, — по мысли Мережковского, — в своей глубочайшей сущности, тождественно с самодержавием Романовским»; последняя цель обоих самодержавий — «уравнение в рабстве»; «оба самодержавия хотят, поработив, осчастливить»; ленинское самодержавие такое же «царство Зверя», как и романовское [11]. «Подлинный “авангард русской революции”, — считает публицист, — не крестьяне, не солдаты, не рабочие, а <...> герои Четырнадцатого и мы, наследники их — русские интеллигенты <...>», т. е. «революционная аристократия» как власть «лучших людей» народа; русские интеллигенты — «”декабристы” вечные — вечные стражи революционного сознания, революционной свободы и революционной личности» — вновь восстанут, теперь уже «на Зверя-народ», против «самодержавия народа», которое не лучше «самодержавия царя» [12]. В его строках слышится боль о народе, который «уже <...> на деле надругался <...> над Россией-матерью», который «убивает отечество» [13]. Октябрь прямо назван «контрреволюцией» по отношению к Февралю, Россия признается большей величиной, «чем народ», — «Отечеством» [13]. Наконец, самоубийственная «революционная демократия» русского народа-«Зверя», «Торжествующего Хама», противопоставлена «революционной аристократии» как «власти лучших людей», т. е. наиболее духовных (см.: [14]).

Из этого небольшого обзора следует, что послеоктябрьский опыт привел очевидца событий Мережковского к следующим дополнениям в его революционной доктрине: вместо царя в 1917 г. «Зверем» стал русский народ; победивший большевизм — это «самодержавие наоборот»; блеснувшее надеждой в Феврале общенациональное революционное единство расколото Октябрем на «революционную демократию» (новое самодержавие народа и большевиков) и «революционную аристократию» (интеллигенцию как носительницу идеалов свободы со Христом); распалось традиционное тождество земли и народа, который в 1917 г. предал свое отечество, мать-землю, Россию; однако Россия не погибнет, потому что она больше народа, она еще и земля. При этом заметим, что дихотомия «народ / земля», возникшая у писателя и публициста в ходе революционных событий в России 1917—

1918 гг., была во многом предварена дихотомией «земля языческая / земля хилиастическая», сложившейся у Мережковского в 1900 гг. (подробнее см.: [2, с. 110]).

Сопоставление вышеизложенных тезисов с текстом романа «14 декабря» ясно показывает, что это произведение написано не только и не столько о событиях столетней давности, сколько о русских революциях Февраля и Октября 1917 г., и в нем революционная мифоидеология Мережковского воплотилась во всей антиномичной целостности, эмоциональной непосредственности и художественной многогранности⁵.

Остановимся на одном из важнейших ее аспектов. Leitмотивом проходит по всему роману образ земли. Начинается произведение с утверждения Мариньки, будущей жены декабриста Валериана Голицына, о том, что «любить землю — грех, надо любить небесное» [15, с. 7]. Однако сам Голицын вскоре не раз вспомнит о соединенности неба и земли в Господней молитве «Отче наш» [15, с. 42, 161, 219, 228]. Мотив земли также возникает в его сознании в связи с любимой девушкой как воплощением Вечной Женственности, Матери Пречистой, «родной матери-земли», России [15, с. 69]. Спустя время он возражает на первоначальные слова своей невесты о земле: «отечество — тоже земля. А разве любовь к отечеству — грех?» [15, с. 164]. По мысли Голицына, землю и небо надо «вместе любить», потому что «в последнем пределе» они «одно» [15, с. 17]. Вскоре герою открывается, что его молодая жена — «Маринька-маменька» [15, с. 167], земная и небесная одновременно, в ней Мать Божия и мать-земля. После свидания с ней в тюремном садике Петропавловской крепости Голицын опускается на колени и целует землю — «Мать Пречистую» [15, с. 215]. Автор религиозно-революционного «Катехизиса» Сергей Муравьев-Апостол, чье мировоззрение Мережковский полностью разделял, говорит перед казнью своему ближайшему другу Голицыну «о Земле Пречистой Матери», а также о том, что Россию спасет «Христос и еще Кто-то» [15, с. 233, 245], целуя напоследок не только священнический крест, но и землю. Муж Мариньки читает в дневнике Муравьева-Апостола о предательстве народом дела религиозной революции. Под этим впечатлением он в отчаянии решает:

5 Позднее эссе Д.С. Мережковского «Тайна русской революции. Опыт социальной демонологии» (1939) не содержит ничего принципиально нового по сравнению с рассмотренными в настоящей статье текстами писателя.

«<...> и гибнуть нечему: никакой России нет и не было» [15, с. 254]. Но вспомнив о Мариньке и стоящих за ней символических образах, понимает, о Ком говорил казненный декабрист, — «Россию спасет Мать» [15, с. 258]. Этими словами заканчивается роман.

Хотя здесь и нет прямой отсылки к Достоевскому, Мережковский очевидно варьирует «софиологическую формулу» [6, с. 49] из «Бесов» — «Богородица — великая мать сыра земля есть» [5, с. 116], с преломлениями которой в высказываниях современных ему софиологов (Вяч.И. Иванова, С.Н. Булгакова и др.) он полемизировал в дореволюционные годы (подробнее см.: [2, с. 113]). В отличие от названных мыслителей, в романе 1918 г. автор, по-видимому, продолжает до несовместимости разделять *только* землю с ее могильными коннотациями и «Святую плоть» хилиастической земли Апокалипсиса. С одним отличием: субститутом погребающей, удушающей «земли во рту» становится в своей «страшной воле к нисхождению, к совлечению, к саморазрушению, к хаосу» [20, с. 17] революционный русский народ. Одновременно будущая спасительная роль земли для Мережковского определяется впитанной ею кровью мучеников за дело свободы: так, наутро после расстрела мятежников из царских пушек с Сенатской площади убирают трупы, но кровь «не отскребут», она «из земли выступит и возопиет к Богу, и победит Зверя» [15, с. 124]. В 1917 г. в России, по логике Мережковского, остался один «Зверь» — народ.

Народ в романе явно изображен под знаком Октября 1917 г. — вместо былой надежды на единство с интеллигенцией устами Рылеева Мережковский вновь обозначает разделение: «Даже не смеем сказать, что восстаем за вольность, — говорим: за царя Константина. Лжем. А когда узнает правду народ, то нас же проклянет, предаст палачам на распятие» [15, с. 41]. По мнению декабриста Якубовича, солдаты и мужики сначала должны перепить и пограбить «маленько», «да красного петуха пустить», а потом уже «вынести из какой-нибудь церкви хоругви, да крестным ходом во дворец, захватить царя, огласить республику — и дело с концом!» [15, с. 71]. Правота этого утверждения была доказана на практике во время восстания Черниговского полка, который в одночасье превратился «в разбойничью шайку, в пугачевскую пьяную сволочь». И командир его, Сергей Муравьев-Апостол, «понял самое страшное: для русского народа вольность значит буйство, распутство, злодейство, братоубийство неумолимое; рабство — с Богом,

вольность с дьяволом» [15, с. 229]. «Страшен царь-Зверь, но, может быть, еще страшнее Зверь-народ, — пророчески ужаснулся узник Алексеевского рavelина. — Зверь идет. <...> Россия гибнет <...>» [15, с. 234]. Лучшие герои революционного романа Мережковского — Голицын и Маринька — не сомневаются: для Христа необходимо убить Зверя [15, с. 162–163]. В контексте 1917–1918 гг. это звучит неожиданно парадоксально: ради сохранения России как земли нужно уничтожить предавший ее народ...

В таком противопоставлении земли и народа романист неожиданно сблизился с некоторыми авторами сборника «Из глубины» (1918), идейного продолжения «Вех», оппонентом которых по вопросам о русской революции и интеллигенции он был на протяжении 10 лет. Так, в заключении своего симпозиона «На пиру богов», где провозглашались «похороны России» [3, с. 292] и «оподление целого народа», «загуб[ившего] и опоган[ившего]» собственную страну [3, с. 314], С.Н. Булгаков устами одного из диспутантов, Писателя, выражал надежду на будущее воскресение родины: «<...> русская земля <...> спасет русский народ, по ней стопочки Богородицыны ступали...»; ему вторил Беженец: «<...> Россия спасена — Богородичною силою» [3, с. 353]. Пасхальный оптимизм концовки булгаковских диалогов: «Жива наша Россия <...>» [3, с. 352] — обусловлен *только* этой единственной возможностью, *только* происходившим в разгар революционной «смердяковщины» растожествлением «святой русской земли» и народа-«нигилиста». Другой автор «Из глубины», В.Н. Муравьев, прямо заявлял: «<...> народ разрушил Россию» [21, с. 416]. Показательна в этом отношении и запись М.М. Пришвина в дневнике 1918 г. Его собеседник высказал мысль: «<...> Русскую землю нынче, как бабу, засек пьяный мужик, и лучину, которая горела над этой землей, задул, теперь у нас нет ничего: тьма. Как может что-нибудь выйти из ничего, из тьмы?» В ответ Пришвин обратился к библейской метаистории, указывающей на первородство земли по отношению к ее населению: «Вначале земля была безвидна и пуста, а потом из ничего началось творенье» [22, с. 53]. Так что Мережковский в своем трагическом открытии отнюдь не был одинок... Более того, в обрисованной парадигме по-новому осмысляются и попытки советской власти 1920–1930 гг. создать качественно новое население на прежней русской земле (вспомним концепции «советского народа», «нового советского человека» и т. п.), правда, на иных мифоидеологических основаниях. Для этого было предпринято небы-

валое в истории по масштабу и жестокости уничтожение существовавшего народа и селекция будущего, что отразилось в ряде антиутопий XX в. («Мы» Е.И. Замятина, «Котлован», «Чевенгур», «Ювенильное море» А.П. Платонова, «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына и др.).

Возвращаясь к тексту «14 декабря», отметим, что произведение наполнено также предсказаниями о судьбе России: восстание 1825 г. «не исполнение, а знаменье; зарница, а не молния <...>. Но где была зарница, там будет и молния» [15, с. 70]; «Я зрю сквозь целое столетие! Будет революция в России, будет!» [15, с. 150]; «вольности глас <...> раздался и уже никогда не умолкнет. Стезя поколениям грядущим указана» [15, с. 193]; и т. д.

Кроме того, в романе четко очерчен характер будущей (по отношению к 1825 г.) русской революции 1917 г., с ее двумя возможными вариантами развития, Февралем и Октябрем. Однако Февраль — зарница «религиозной общественности» в России — практически поглощен Октябрем — наследником «самодержавной революционности» Петра I. Впрочем, показывает Мережковский-романист, обе тенденции присутствовали уже в тайных обществах первой четверти XIX в.: с одной стороны, христианин Муравьев-Апостол с его «Катехизисом», соединявшим «свободу с Богом» [15, с. 221], с другой — атеисты Пестель и Рылеев, которые, «не имея Бога, народ почитают за Бога»: «с народом все можно <...>» [15, с. 220]. Грядущая революция произойдет не по муравьевскому «Катехизису», а по пестелевской «Русской правде» — «будет в России то же, что во Франции, — свобода без Бога, кровавая чаша дьявола» [15, с. 221]. Мятежника Павла Пестеля и самодержца Николая Романова совсем не случайно сближает в романе ассоциация с дьяволом. В вещем сне перед казнью Муравьев-Апостол прозревает картину конца 1917 г.: «С восставшими ротами, шайкой разбойничьей <...> прошел по всей России победителем. Всюду — вольность без Бога <...> черным пожаращем — солнце кровавое <...>» [15, с. 234].

Тем не менее даже в условиях победившего Октября автор «14 декабря» не оставляет упований на торжество правды казненного революционера-христианина, которую «забудут, но вспомнят», от которой «уйдут, но вернуться», — ведь «не спасется Россия, пока не исполнит <...> завещания: свобода с Богом» [15, с. 221]. Без сомнения, это и есть эстетический идеал Мережковского. Итак, в романе «14 декабря» на историческом материале другой эпохи дается историософское осмысление российских событий 1917 г.

Список литературы

- 1 Блок А.А. Стихия и культура // Блок А.А. Полн. собр. соч.: в 23 т. М.: Наука, 2010. Т. 8. С. 90–96.
- 2 Богданова О.А. Д.С. Мережковский и «консервативная революция» в Германии // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5. С. 108–121.
- 3 Булгаков С.Н. На пиру богов. Pro и contra. Современные диалоги // Вехи. Из глубины. М.: Правда, 1991. С. 290–353.
- 4 Воеводина А.А. Революция и насилие в творчестве христианских либералов (З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского) // Вестник Самарского государственного университета. 2009. № 3 (69). С. 55–59.
- 5 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10. 520 с.
- 6 Зандер Л.А. Земля благая // Зандер Л.А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). Франкфурт-на-Майне: Посев, 1960. С. 31–62.
- 7 Комарович В.Л. Культ рода и земли в княжеской среде XI–XIII веков // Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН (ТОДРЛ). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XVI. С. 84–104.
- 8 Мережковский Д.С. 14 марта // День. 1917. 23 марта.
- 9 Мережковский Д.С. Ангел революции // Русское слово. 1917. 1 (14) апреля.
- 10 Мережковский Д.С. Есть Россия // Русское слово. 1917. 22 августа.
- 11 Мережковский Д.С. Упырь // Новая речь. 1917. № 1. 28 ноября.
- 12 Мережковский Д.С. 1825–1917 // Вечерний звон. 1917. 14 декабря.
- 13 Мережковский Д.С. Россия будет (интеллигенция и народ) // Наш век. 1918. 23, 28 июня.
- 14 Мережковский Д.С. Революционная демократия // Новые ведомости. 1918. 6 июля.
- 15 Мережковский Д.С. 14 декабря: Роман // Мережковский Д.С. Собр. соч.: в 4 т. М.: Правда, 1990. Т. 4. С. 5–258.
- 16 Мережковский Д.С. Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 535–607.
- 17 Мережковский Д.С. Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции // Мережковский Д.С. Вечные спутники: Роман. Стихотворения. Литературные портреты. Дневник. М.: Школа-Пресс, 1996. С. 489–509.
- 18 Мережковский Д.С. Революция и религия // Мережковский Д.С. Собр. соч. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 174–213.
- 19 Мережковский Д.С. Грядущий Хам // Мережковский Д.С. Собр. соч. Грядущий Хам. М.: Республика, 2004. С. 4–26.

- 20 *Мережковский Д.С.* Земля во рту // Религиозно-философское общество в Санкт-Петербурге (Петрограде). История в материалах и документах: в 3 т. М.: Русский путь, 2009. Т. 2: 1909–1914. С. 7–17.
- 21 *Муравьев В.Н.* Рев племени // Вехи. Из глубины. М.: Правда. 1991. С. 402–423.
- 22 *Пришвин М.М.* Дневники. 1918. 1919. Книга вторая. М.: Московский рабочий, 1994. 383 с.
- 23 *Смирнов С.И., проф.* Древнерусский духовник: Исследование с приложением: Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М.: ПСТБИ, 2004. 560 с.

References

- 1 Blok A.A. Stikhiia i kul'tura [Nature and culture]. *Blok A.A. Poln. sobr. soch.: v 23 t.* [Complete works: in 23 vol.]. Moscow, Nauka Publ., 2010, vol. 8, pp. 90–96. (In Russ.)
- 2 Bogdanova O.A. D.S. Merezhkovskii i “konservativnaia revoliutsiia” v Germanii [D.S. Merezhkovsky and the “conservative revolution” in Germany]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2016, no 5, pp. 108–121. (In Russ.)
- 3 Bulgakov S.N. Na piru bogov. Pro i contra. Sovremennye dialogi [At the feast of gods. Pro and contra. Modern dialogues]. *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 290–353. (In Russ.)
- 4 Voevodina A.A. Revoliutsiia i nasilie v tvorchestve khristianskikh liberalov (Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovskogo) [Revolution and violence in the works of Christian liberals (Z.N. Gippius, D.S. Merezhkovsky)]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2009, no 5 (69), pp. 55–59. (In Russ.)
- 5 Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vol.]. Leningrad, Nauka Publ., 1974. Vol. 10. 520 p. (In Russ.)
- 6 Zander L.A. Zemlia blagaia [The earth is good]. *Zander L.A. Taina dobra (Problema dobra v tvorchestve Dostoevskogo)* [The mystery of goodness (The problem of goodness in Dostoyevsky's works)]. Frankfurt-on-Maine, Posev Publ., 1960, pp. 31–62. (In Russ.)
- 7 Komarov V.L. Kul't roda i zemli v kniazheskoi srede XI–XIII vekov [The cult of kin and land in the princely environment of the 11th–13th centuries]. *Trudy otdela drevnerusskoi literatury IRLI RAN (TODRL)*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1960, vol. XVI, pp. 84–104. (In Russ.)
- 8 Merezhkovskii D.S. 14 marta [March, 14]. *Den'*, 1917, march 23. (In Russ.)
- 9 Merezhkovskii D.S. Angel revoliutsii [The angel of the revolution]. *Russkoe slovo*, 1917, april 1 (14). (In Russ.)
- 10 Merezhkovskii D.S. Est' Rossiia [Russia is]. *Russkoe slovo*, 1917, august 22. (In Russ.)
- 11 Merezhkovskii D.S. Upyr' [Ghoul]. *Novaia rech'*, 1917, no 1, november 28. (In Russ.)
- 12 Merezhkovskii D.S. 1825–1917. *Vechernii zvon*, 1917, december 14. (In Russ.)
- 13 Merezhkovskii D.S. Rossiia budet (intelligentsiia i narod) [Russia will be (intelligentsia and the people)]. *Nash vek*, 1918, june 23, 28. (In Russ.)
- 14 Merezhkovskii D.S. Revoliutsionnaia demokratiia [Revolutionary democracy]. *Novye vedomosti*, 1918, july 6. (In Russ.)
- 15 Merezhkovskii D.S. 14 dekabria: Roman [The Fourteenth of December: Novel]. *Merezhkovskii D.S. Sobr. soch.: v 4 t.* [Complete works: in 4 vol.]. Moscow, Pravda Publ., 1990, vol. 4, pp. 5–258. (In Russ.)
- 16 Merezhkovskii D.S. Dve tainy russkoi poezii. Nekrasov i Tiutchev [Two mysteries of Russian poetry. Nekrasov and Tyutchev]. *Merezhkovskii D.S. Vechnye sputniki: Roman. Stikhotvoreniia. Literaturnye portrety. Dnevnik* [Eternal companions: Novel. Poems. Literary portraits. Journal]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996, pp. 535–607. (In Russ.)

- 17 Merezhkovskii D.S. Zavet Belinskogo. Religioznost' i obshchestvennost' russkoi intelligentsii [The Testament of Belinsky. Religiosity and the public consciousness of Russian intelligentsia]. *Merezhkovskii D.S. Vechnye sputniki: Roman. Stikhotvoreniia. Literaturnye portrety. Dnevnik* [Eternal companions: Novel. Poems. Literary portraits. Journal]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1996, pp. 489–509. (In Russ.)
- 18 Merezhkovskii D.S. Revoliutsiia i religiia [Revolution and religion]. *Merezhkovskii D.S. Sobr. soch. Griadushchii Kham* [Works. Coming Ham]. Moscow, Respublika Publ., 2004, pp. 174–213. (In Russ.)
- 19 Merezhkovskii D.S. Griadushchii Kham [Coming Ham]. *Merezhkovskii D.S. Sobr. soch. Griadushchii Kham* [Works. Coming Ham]. Moscow, Respublika Publ., 2004, pp. 4–26. (In Russ.)
- 20 Merezhkovskii D.S. Zemlia vo rtu [Soil in the mouth]. *Religiozno-filosofskoe obshchestvo v Sankt-Peterburge (Petrograde). Istoriia v materialakh i dokumentakh: v 3 t.* [Religious-philosophical society in St. Petersburg (Petrograd). History materials and documents: in 3 vol.]. Moscow, Russkii put' Publ., 2009, vol. 2: 1909–1914, pp. 7–17. (In Russ.)
- 21 Murav'ev V.N. Rev plemeni [The roar of the tribe]. *Vekhi. Iz glubiny* [Milestones. From the depths]. Moscow, Pravda Publ., 1991, pp. 402–423. (In Russ.)
- 22 Prishvin M.M. *Dnevniki. 1918. 1919. Kniga vtoraia* [Journals. 1918. 1919. The second book]. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1994. 383 p. (In Russ.)
- 23 Smirnov S.I., prof. *Drevnerusskii dukhovnik: Issledovanie s prilozheniem: Materialy dlia istorii drevnerusskoi pokaiannoi distsipliny* [Old Russian Confessor: a Study with the appendix. Materials for the history of the Old Russian penitential discipline]. Moscow, PSTBI Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)